

КРОЛИКИ-
ЭТО СЕРЬЕЗНО.
Редкий Шик.

ЛАРИСА ЛАЗАРОВА

Лариса Лазарова

**Кролики - это
серьезно. Редкий Шик**

«Автор»

2026

Лазарова Л.

Кролики - это серьезно. Редкий Шик / Л. Лазарова — «Автор»,
2026

Человек уверен, что он хозяин мира. Но забывает одну простую вещь: у каждого существа есть характер. Жорик и Шик. Они ненавидели друг друга. И однажды получили именно то, чего заслуживали. Человек стал кроликом. Кролик стал человеком. Ой, мамочки! Что же теперь будет!

© Лазарова Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1. Жорик и Шик	7
Глава 2. ПЕРВЫЙ ДЕНЬ В ЧУЖОЙ ШКУРЕ	12
Глава 3. ТАЙНЫЙ СОВЕТ В ДЕТСКОЙ	17
ГЛАВА 4. НОВЫЙ «ПАПА» ИДЁТ НА РАБОТУ К «МАМЕ»	21
Глава 5. ЧАТ ВЫДАЁТ ПЕРВУЮ ПОДСКАЗКУ	26
Глава 6. ЖОРИК УЧИТСЯ БЫТЬ ПИТОМЦЕМ	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Лариса Лазарова

Кролики - это серьезно. Редкий Шик

ПРОЛОГ

В Поднебесной говорили, что дворец Золотого Императора нельзя найти дважды. Мудрые люди никогда не спрашивали, правда ли это. В Поднебесной существовали вопросы, на которые не следовало искать ответов.

Дорога к нему каждый раз проходила по-разному. Одних она вела через кедровые леса, где даже ветер шептал молитвы. Других — по лестницам, вырубленным в чёрной скале над бездонными ущельями. Но все путешественники сходились в одном.

Когда облака наконец расступались, человек переставал верить собственным глазам. Дворец не стоял на вершине горы. Он словно вырастал из неё.

Золотые крыши отражали солнце. Стены были сложены из зелёного камня с тонкими прожилками нефрита. Между павильонами журчали ручьи, в которых плавали рыбы цвета расплавленной меди. Воздух был наполнен ароматом цветущего османтуса и старого сандала.

Говорили также, что здесь не существовало времени. Лепестки не опадали, пока их не коснётся рука Императора. Фонтаны не замерзали зимой. А бронзовые журавли на крышах иногда поворачивали головы вслед уходящему солнцу.

В тот день дворец встречал редкого гостя. Посланника далёкого островного королевства.

Высокий светловолосый мужчина в тёмно-синем камзоле держался с достоинством человека, привыкшего разговаривать с королями как с равными. Его сопровождали переводчики, слуги и офицеры. Однако у самых ворот все они остались ждать. Дальше позволили пройти только ему одному.

Благородному лорду.

Зал Девяти Солнц был пуст. Лишь на возвышении, вырезанном из единой глыбы золотистого камня, сидел Император. Он казался стариком. И одновременно юношей. Белые волосы и юное лицо. С мудрыми, много повидавшими глазами. Некоторое время оба молчали. Затем Император улыбнулся.

— Ваш король прислал мне часы, способные идти семь лет без остановки.

Англичанин слегка склонил голову. Он был потрясен. Император говорил на понятном ему языке.

— Его Величество надеется, что время будет одинаково благосклонно к нашим народам. В уголках глаз Императора мелькнула тень.

— Время никогда не бывает благосклонным. Оно лишь терпеливо.

По едва заметному знаку, через потайную дверь вперёд выступил старый евнух. В руках он держал небольшую клетку, накрытую драгоценным белым шёлком.

Внутри сидел маленький львиноголовый кролик цвета тёмного мёда.

Он не пугался людей. Не прятался. Лишь смотрел слишком осмысленным взглядом.

— Это один из последних, — тихо произнёс Император, печально качая головой. — Редкий. У нас их называют хранителями памяти или теми, кто переживет века.

Император задумался. Казалось, мысли его находятся далеко за пределами Золотого замка. А может и самой жизни.

— Очень редкий зверь. Когда уходит царство, исчезают дворцы. Когда умирает династия, забываются имена. Но некоторые дары живут дольше своих хозяев.

Англичанин посмотрел на кролика. Тот глядел боком, спокойно. Будто уже давно знал, чем закончится эта встреча.

— Примите в дар, — Император воздел вверх руки. — Не как подарок одному человеку. А знак того, что две короны могут доверять друг другу даже то, что нельзя купить золотом.

Лорд опустил на одно колено.

— Для меня это великая честь. Благодарю, что именно нашей державе доверено хранить эту редкость.

Император едва заметно кивнул. Печальная улыбка коснулась его губ.

— Не мы решаем, кому достанется и где окажется то, что никогда никому не принадлежало. Возможно, это лишь начало пути.

Ветер шевельнул белый шёлк клетки.

На одно короткое мгновение показалось, что маленький львиноголовый кролик... понимающе улыбнулся. А потом моргнул.

И снова стал самым обыкновенным зверьком.

Грустный Император Золотого Дворца Поднебесной долго смотрел вслед чужестранцу, пока тот не исчез за воротами. Прощался.

Глава 1. Жорик и Шик

Я проснулся, как всегда, раньше всех.

Так поступали все приличные существа. Сначала следовало привести себя в порядок, потом убедиться, что территория в безопасности. И только после этого интересоваться окружающим миром. Я тщательно пригладил лапой свою гриву. Светло-шоколадная шерсть лежала безупречно. Именно так и должен выглядеть настоящий львиноголовый кролик. Не просто породистый. Благородный. Не зря моей территорией считалась кухня с остекленной лоджией и прозрачной дверью.

Клетка тоже была безупречна.

Поилка наполнена. Сено аккуратно сложено. Миска вымыта и полна чистой воды. До краев. Ни одной лишней соринки.

Жаль, что подобного нельзя было сказать о всем остальном пространстве.

Я давно пришёл к выводу, что люди обладают удивительной способностью превращать любое помещение в место археологических раскопок. На столе громоздились кружки с засохшими следами кофе. Возле раковины сиротливо возвышалась башня из немытой посуды. На стуле висели джинсы. Под стулом лежал носок. Второго носка поблизости не наблюдалось. Видимо, он погиб, в дебрях семейного быта.

Жёлтый кафель пересекала длинная трещина. За последние полгода она стала мне почти родной.

Из комнаты донеслось сонное кряхтение. Я поднял голову.

Началось.

Сначала показалась рука, потом босая нога, следом из комнаты выплыл сам хозяин. Жорик. Сонно почесал затылок, зевнул широко, до хруста, и поплёлся к кофеварке. Я невольно удивился прочности человеческих челюстей. Хищники, что с них взять.

— Доброе утро, Шик, — пробормотал он, даже не взглянув в мою сторону.

Я промолчал. Во-первых, отвечать было ниже моего достоинства.

Во-вторых, люди всё равно не понимали правильного языка.

Жорик достал банку с кофе, понюхал её, чихнул и принялся засыпать порошок в кофеварку. Значительная часть кофе просыпалась на стол. Он задумчиво посмотрел на рассыпанный порошок. Пожал плечами. И продолжил готовить напиток, словно именно так всё и было задумано.

Дикарь. Неаккуратный!

Кофеварка заурчала. По кухне поплыл густой запах кофе. Люди почему-то считали его бодрящим. На мой взгляд, он просто пытался заглушить все остальные запахи. Совсем другое дело — свежее сено. Аромат, достойный уважения.

Пока кофе наливался в кружку, Жорик вдруг нахмурился.

— Так... А где носки?

Он открыл холодильник. Закрыв. Заглянул под стол. Я следил за ним с искренним интересом.

Если бы я не жил с людьми столько лет, то решил бы, что поиск носков является каким-то сложным религиозным обрядом.

— Да чтоб вас... — вздохнул Жорик.

Он прошёл мимо большого зеркала в прихожей, не обратив и на него никакого внимания.

Зря. В зеркале прекрасно отражалась его голова. А на голове... Спокойно лежали оба носка. Один свисал на левое ухо, второй — на правое.

Некоторое время я молча наблюдал этот цирк. Потом перевёл взгляд на потолок. Иногда даже мне было трудно поверить, что именно люди считали себя венцом творения всевышнего. Обидно, честное благородное слово.

Кофе тем временем перелился через край кружки и тонкой струйкой побежал по столу.
— Ой...

Жорик подхватил кружку слишком резко. Обжёг пальцы, тихо зашипел и машинально вытер разлитый кофе рукавом футболки.

А салфетки лежали в двадцати сантиметрах. Он их даже не заметил.

Я тяжело вздохнул.

Когда судьба поселила меня в этом доме, я решил, что это временные трудности. Затем понял, что испытание затягивается. Теперь же всё чаще ловил себя на мысли, что Вселенная обладает весьма своеобразным чувством юмора.

Справедливости ради следовало признать: при всех своих недостатках Жорик был существом незлобивым. Он никогда не забывал вовремя наполнить мою поилку, покупал хорошее сено, свежую морковь. Каждое воскресенье тщательно вычищал клетку. Ворчал себе под нос, что «лорд Шик опять навёл красоту».

Лордом он называл меня в шутку. Даже не подозревая, насколько был близок к истине.

Жорик наконец снял носки с головы. Не удивившись тому, где они обнаружились. Надел их, сделал большой глоток кофе, поморщился и только теперь посмотрел прямо на меня.

Я спокойно выдержал его взгляд. У аристократа не бывает причин смущаться.

Это удел окружающих.

— Что уставился, ваша светлость? — усмехнулся Жорик. — Опять оцениваешь, насколько я недостоин жить с такой важной персоной, на равных условиях?

Он подошёл к клетке и присел на корточки. От него пахло кофе, мятной зубной пастой и шампунем. В отличие от большинства людей, Жорик никогда не пах неприятно. Просто... по-человечески. Слишком резко.

— Ну что, лорд Шик, доброе утро.

Я продолжал молча смотреть ему в глаза. Этот взгляд действовал на него безотказно. Жорик начинал чувствовать себя неловко. Совесть у него всё-таки была.

— Не смотри так. Я вчера поздно лёг. Проект сдавал.

Он вздохнул, отпил еще кофе и расплылся в улыбке.

— Хотя знаешь... с такой гривой ты сейчас похож не на льва.

Я насторожился.

Хорошие люди после таких вступлений обычно не улыбаются.

— Ты похож... — он выдержал театральную паузу, — на лохматый пылесборник.

Я замер. Несколько секунд в кухне стояла тишина. Не потому, что мне нечего было подумывать.

Совсем наоборот. Мыслей оказалось слишком много. Он... назвал... мою гриву... пылесборником?

Гриву, уход за которой требовал ежедневного терпения, вкуса и чувства меры?

Это было всё равно что назвать корону кастрюлей. Жорик, не замечая произведённого впечатления, продолжал веселиться.

— А если её ещё намочить, получится парик после рок-концерта.

Я медленно отвернулся. Иногда единственным способом сохранить достоинство было не смотреть на собеседника. Я вполне отчётливо представил, как впиваюсь зубами ему в указательный палец. Не сильно. Ровно настолько, чтобы он понял глубину своего заблуждения.

Однако, воспитание победило. Настоящий английский лорд не кусает прислугу. Фу! По крайней мере, без крайней необходимости.

— Обиделся? — с улыбкой спросил Жорик.

Разумеется. Но и сообщать ему об этом я не собирался. Он покачал головой, открыл дверцу клетки и протянул руку.

— Ладно, выходи. Чего надулся? Ты же у меня красавец.

Поздно. Комплимент, произнесённый после оскорбления, ценится не выше вчерашнего салата.

Я не двинулся с места. Пусть подождёт. Жорик засмеялся.

— Ах вот оно что! Мы сегодня гордые.

Он осторожно просунул ладонь в клетку и погладил меня. Против шерсти.

Есть вещи, которые невозможно объяснить. Стоит человеку провести рукой против шерсти, и становится ясно! Цивилизация ещё очень далека от совершенства. Каждая шерстинка моего тела выразила молчаливый протест. Я медленно поднял на Жорика взгляд. Нет. Кусать нельзя. Аристократы умеют владеть собой.

Но и память у аристократов прекрасная.

— Всё-всё, понял, — рассмеялся он. — Ваша светлость недовольны.

На этот раз он погладил меня правильно. И почесал за ухом именно в том месте, которое я никогда не смог бы достать самостоятельно.

Я едва заметно прикрыл глаза. Не от удовольствия. Исключительно потому, что это помогало сохранить объективность. Не стоило позволять одному удачному движению перечёркивать два предыдущих преступления.

— Сиди пока. Я только проветрю.

Он подошёл к лоджии, распахнул стеклянную дверь и одну из створок окна. В кухню сразу ворвался свежий ветер. Сквозняк. Не полезно, для кроликов. Зато, запахи изменились мгновенно. Тёплый воздух квартиры смешался с влажной прохладой улицы. Я уловил аромат нагретого бетона, листвы, далёкой реки, мокрой земли... и ещё чего-то. Тревожного. Я вытянул нос.

Так пахла гроза. Она была ещё далеко, но уже уверенно шла к городу. Люди таких вещей почти не замечали. Жорик, конечно, ничего не почувствовал. Он уже отвернулся от лоджии и хлопнул себя ладонью по лбу.

— Телефон! Ну конечно...

Он виновато посмотрел на меня.

— Не скучай, лорд. Я сейчас.

И, как всегда, умчался в комнату, оставив дверцу клетки открытой. Я проводил его взглядом.

Потом перевёл глаза на открытую дверцу. Затем — на пустую кухню. И только после этого неторопливо спрыгнул на кафедру.

Свобода хороша лишь тогда, когда её принимают с достоинством. Иначе она превращается в суету, а такое не украсило бы настоящего джентльмена.

Начал с обхода кухни.

Порядок не терпел суеты. Любое помещение следовало сначала осмотреть. Убедиться, что ничего не изменилось, и только потом заниматься своими делами. За ночь мир вполне мог преподнести неприятный сюрприз. И даже не один.

Впрочем, ничего нового я не обнаружил. Злосчастный носок, который Жорик так и не удосужился поднять с пола. Я аккуратно обошёл и его. Некоторые предметы лучше не трогать без крайней необходимости.

Из открытой лоджии потянуло холодом. Воздух становился тяжелее. Птицы, ещё минуту назад весело перекликавшиеся во дворе, неожиданно стихли.

Я остановился. Вот теперь гроза была совсем рядом.

Небо потемнело быстро, словно кто-то набросил на солнце тяжёлое серое покрывало. Белая занавеска взметнулась почти до потолка, на столе задребезжала ложка, а дверь лоджии ударилась о стену.

Где-то совсем близко прогрехотал гром. Я невольно прижал уши. Ненадолго. Всего на мгновение.

Никто этого не видел. И вообще... осторожность никогда не считалась проявлением трусости.

Сделал вид, что меня гораздо больше интересует трещина на кафеле. Второй раскат прозвучал значительно громче. И ближе.

Из комнаты донёсся голос Жорика.

— Да где же он?..

Несколько секунд спустя послышалось радостное:

— Нашёл!

И вдруг...

— Окно!

В его голосе прозвучал ужас. Жорик уже мчался по коридору. Стук босых пяток. Он буквально влетел в кухню, прижимая к уху телефон.

— Да, Петрович, секунду... Тут...

Увидев распахнутую лоджию, бросился к ней. Даже не посмотрел себе под ноги.

Именно этого я и опасался.

— Шик! — только и успел крикнуть он.

Я попытался отпрыгнуть. А он — меня обойти. В результате не получилось ни у него, ни у меня.

Его пятка наступила на носок.

Тот самый.

Единственный.

Забытый.

Носок предательски поехал по гладкому кафелю.

Жорик широко взмахнул руками, выпустил телефон. Который описал в воздухе красивую дугу и с глухим стуком упал куда-то в сторону. А сам Жорик потерял равновесие.

Время вдруг замедлилось. Я ясно увидел его удивлённое лицо. Кружку, падавшую со стола. Капли кофе, рассыпавшиеся в воздухе тёмными бусинами. Белую занавеску, надувшуюся парусом.

И огромного человека, который неумолимо летел прямо на меня. Удар оказался неожиданно мягким. Меня не придавило.

Просто мы с Жориком превратились в нелепый клубок из рук, ног, лап и летящего во все стороны недоразумения.

Пол исчез. Потолок оказался сбоку. Стена почему-то переместилась вниз. Я совершенно перестал понимать, где что. Верх-низ.

Жорик отчаянно пытался увернуться. Я столь же неистово пытался не оказаться под ним.

Нам обоим одинаково не везло.

Последний толчок отбросил нас к распахнутой лоджии.

В ту же секунду ослепительная бело-голубая молния ударила в металлический карниз.

Воздух разорвал такой грохот, что мир на мгновение исчез.

Стекло взорвалось тысячами сверкающих осколков. Меня больно полоснуло по передней лапке.

Жорик вскрикнул и резко отдернул руку. По его ладони быстро побежала тонкая алая струйка.

Несколько капель крови упали на светлый кафель. Рядом упала и моя кровь — густая, тёмно-красная. Капли медленно потянулись друг к другу, их притягивал кто-то невидимый. Когда они соприкоснулись, кухня озарилась мягким золотым светом.

Он не ослеплял. Наоборот. Казалось, этот свет был тёплым, живым и почему-то... очень древним.

Гул заполнил голову. Воздух стал вязким. Мне почудилось, что невидимая сила осторожно, но настойчиво выворачивает весь мир наизнанку. *В последний миг я уловил запах, которого не могло быть на кухне. Сырая земля. Древесная кора. И очень далёкий, почти забытый аромат цветущего османтуса.*

Я попытался вдохнуть. Не смог. Перед глазами поплыли золотые круги. Последнее, что я увидел, — испуганное лицо Жорика совсем рядом.

Потом всё исчезло.

А я был так молод!

И потрясающе красив!

Глава 2. ПЕРВЫЙ ДЕНЬ В ЧУЖОЙ ШКУРЕ

Я проснулся от тяжести.

Не от той, что бывает после долгого сна, когда тело ещё сопротивляется пробуждению. От другой. Физической. Неподъёмной. Словно на меня навалился целый мешок мокрого песка. Я попытался приподнять голову — и не смог. Шея была слишком длинной и какой-то ватной.

Глаза открылись с трудом. Веки были тяжёлыми, странное ощущение. Вокруг царил полумрак. Я лежал на спине. На мягкой поверхности. Большой. Это была не моя подстилка из сена. Человеческая кровать.

Попытался вскочить.

Ничего не вышло. Лапы не слушались. Они казались двумя бесформенными колодами. Я попробовал приподнять переднюю — и увидел! Человеческую руку. С пальцами, ногтями и голой кожей.

Это была не моя лапа.

Я замер. Пол был далеко внизу. Попытался перекатиться на бок — и рухнул с кровати. Больно! Тело было огромным, непослушным. Я лежал на боку, тяжело дышал и смотрел на свои новые руки. Длинные. Слишком много суставов.

Что это? Где моя шерсть?

Попытался пошевелить ушами. Ничего. Я не чувствовал их. Не слышал их привычного шевеления. Поднял руку — ту, что сейчас была моей, и коснулся головы.

Гладкая кожа. Короткие волосы. Никаких ушей. И никакой гривы!

Меня охватил ужас. Настоящий, животный. Что заставляет забиться в угол и дрожать. Я кое-как приподнялся на четвереньках. Стоял на холодном полу и пытался понять, что со мной произошло.

На тумбочке стояло небольшое зеркало. Оттуда на меня смотрел Жорик. Его бледное, небритое лицо. Растрёпанные волосы. Его испуганные глаза, которые сейчас смотрели на меня с невыносимым узнаванием.

Я не мог дышать. Не мог думать. Я — в теле врага. Того, кто называл мою гриву пылесборником. Этого неаккуратного, неряшливого *человека*!

Кролики — это серьёзно. А я теперь — *человек*. Это катастрофа!

Попытался встать. Сначала на четвереньках, как кролик. Единственное положение, в котором я чувствовал хоть какую-то устойчивость. Потом вспомнил. Люди ходят на двух задних конечностях. На ногах. Выпрямился. Весь мир качнулся. Я едва удерживал равновесие, хватался за стену. И пищал! Я этим не горжусь!

Ноги ватные. Дрожали, как желе. Я сделал шаг. Второй. Каждый был пыткой. Мои кроличьи лапы никогда не подводили меня. А эти человеческие конечности — длинные, неловкие — отказывались слушаться.

Снова посмотрел на свои руки. Пальцы. Попытался сжать их в кулак. Получилось не сразу. Каждый сустав двигался по отдельности, словно я управлял марионеткой.

Посмотрел в зеркало. Жорик смотрел на меня в ответ. Его глаза были полны ужаса. Как бы я ни ненавидел это лицо, сейчас оно показывало именно то, что я чувствовал.

Я закрыл глаза. Открыл. Ничего не изменилось. Я все еще был в нем. В этом человеческом теле.

Ладно. Нужно взять себя в лапы. В эти... руки. Аристократ не паникует. Аристократ сохраняет лицо. Даже если лицо это — Жорик. Какой ужас! Жорик!

Не знаю, что привлекло моё внимание.

Тишина. Или движение за спиной. Я обернулся — и замер. За стеклянной дверью кухни стояла клетка. Моя клетка. И в ней лежал кролик.

Шоколадно-коричневый. С львиной гривой. С белыми пятнами на лапах. И с абсолютно человеческим выражением лица. Я готов был поклясться своим хвостом! Это был Жорик.

Я подошёл ближе. Каждый шаг давался мне с трудом, но я двигался. Мои ноги — нет, мои бывшие лапы — всё ещё не слушались. Но я должен был это увидеть.

Жорик возлежал на сене. Потом попытался встать. Бедные кроличьи лапки не слушались его так же, как ноги — меня. Он упал, беспомощно дрыгнул задними лапами и снова попытался подняться.

Я приоткрыл мой человеческий рот. И, к своему ужасу, едва не засмеялся. Неправильно. Не гуманно! Но это было смешно.

Жорик наконец поднялся на все четыре лапы. Он шатнулся. Постоял. Потом попытался что-то сказать. Из его рта вырвалось тоненькое:

— Иии-пип-ши.

Я замер. Жорик тоже. Он с ужасом посмотрел на свои лапы. Милые-милые! С коготками и подушечками.

— Ип? — снова раздалось из клетки.

Затем Жорик начал колотить по прутьям. Сначала одной лапкой. Потом двумя. Он пытался открыть дверцу, но лапки соскальзывали. Падал. Вставал. Снова колотил. Вцепился в прутья зубами, и начал отчаянно сотрясать клетку. Он мне так все резцы искалечит!

Я знал это чувство. Но сейчас у меня было явное преимущество. Тело человека. У меня были руки. Неуклюжие, но способные хватать и открывать. Подошёл, ноги дрожали. Я схватился за спинку стула, чтобы не упасть. Жорик в клетке поднял голову. Его глаза расширились от изумления и узнавания. Он узнал меня.

— Ши-ип-пип, — выдал он. И в этом «пип» я услышал целую фразу. Что-то вроде: «Ты! Это ты! Что ты сделал?!»

Я покачал человеческой головой. Тяжёлая. Я ещё не умел ею управлять.

— Ничего не делал, — горько ответил я. Это был голос Жорика. — Ты сам...

Не договорил. Жорик снова заколотил по прутьям. Его глаза горели злостью и отчаянием. Но из его пасти вырывалось только:

— Шип! Ип-пип-шип!

Я открыл клетку. Жорик рванулся вперёд — и тут же рухнул на пол. Лапки подкосились. Он лежал на боку, глядя на меня с укором. Потому что лапки кролика, это тебе не кошачьи лапищи. Уметь надо! Прыгать!

Я смотрел на него сверху вниз. Впервые в жизни я был выше Жорика. А он лежал у моих ног. Но радости это не приносило. Потому что я был в его теле. А он — в моём. И мы оба были беспомощны и несчастны.

Я оставил Жорика на полу и поплелся на кухню. Каждый шаг был пыткой. Сначала я держался за стену. Потом за дверной косяк. Затем за стол. Дошёл до середины кухни и остановился.

Здесь царил бардак.

Гора немытой посуды в раковине. Крошки на столе. Пустые банки. Грязные кружки с засохшим кофе. Запах кислого кофе, застарелой грязи и какой-то непонятной человеческой безалаберности.

Я замер. Мой нос — нет, мой новый, человеческий нос — дёрнулся. Я не мог дышать этим воздухом. Это было невыносимо.

А скоро должны прийти девочки. *Девочки! И их мать! Жена Жорика! Эээ, моя жена?!*

Я мгновенно залился холодным потом. Надо было что-то делать. Немедленно!

«Это не дом, а помойка. Я не хочу жить в таком аду. Такое ни один аристократ не вынесет. Я должен привести все в порядок. Сейчас же!

Я не знал, откуда взялись силы. Мои кроличьи инстинкты взяли верх над человеческой ленью. Я схватил грязную тарелку, поднёс к раковине и открыл кран. Полилась вода. Я вздрогнул. Кролики не любят воду. Но такова моя судьба. Я человек. И должен мыть посуду.

Мыл с отвращением. Плакал в душе. Каждая тарелка была покрыта засохшей едой. Я тёр их губкой и чувствовал, как по моему новому человеческому телу пробегает дрожь. Это было неправильно. Я создан для чистоты и комфорта. А не для мерзости этого быта. Но грязь была кругом, и я не мог смотреть на неё.

Вымыл всё. Тарелки, кружки, вилки и ложки. Вытер стол! Я подобрал носки с пола и бросил их в корзину. Не попал с первого раза, повторил попытку. А забавно! Люди не умеют бросать точно, это факт. Поморщился, потому что они пахли! Фу!

Подмёл пол. Крошки отправились в ведро. Пустые банки — в мусорный пакет.

Кухня засияла. Устал. Руки и спина болели. Но я был доволен.

Посмотрел на часы на стене. Без пятнадцати два. Уже день. Я провёл в этом теле почти вечность. И, кажется, я начал понимать, как с ним справляться.

Жорик всё ещё лежал на полу в коридоре. Страдал, и задумчиво грыз валяющуюся рядом салфетку. Даже не привстал. Вот же какой!

Я хотел пить. Кролики пьют воду. Но я был человеком. Должен пить чай. Эхе-хе!

Вода закипела. Я заварил чай. Нашёл в шкафу сахарницу. Достал один кусочек. Кролики любят сладкое, а горькое — нет. Чай с сахаром — это единственное, что я мог выпить, не морщась.

Сидел за идеально чистым столом. Пил чай маленькими глотками. Внутри меня бушевало отчаянье. Но снаружи я был спокоен. Порода и титул обязывали!

Дверь хлопнула. Два голоса ворвались в квартиру одновременно:

— Пап, мы дома!

Я вздрогнул, поставил чашку и повернулся к входу. Чай расплескался.

В кухню забежали две одинаковые юные особы. Светлые волосы, карие глаза, веснушки на носу. Одна — с синей заколкой, другая — с красной. В одинаковой школьной форме. С рюкзаками за спиной. Арина и Алина. Близнецы. Дочери Жорика. Единственные люди в этом доме, которые понимали моё величие. Ах, если бы не они! Моя жизнь с Жориком была бы совершенно неприемлемой!

Остановились на пороге. Сначала они не поняли, что произошло. Их глаза пробежались по кухне. Идеально чистому столу. Отсутствию посуды в раковине. И прочие, прочие, прочие...

Девочки замерли.

Я сидел за столом. Спина прямая. Руки сложены на коленях. Чай с одним кусочком сахара. Достоинство и невозмутимость.

— Пап, — медленно произнесла Арина. — Ты как себя чувствуешь?

Я попытался улыбнуться. Получилась, судя по всему, страшная гримаса.

— Я просто решил немного прибраться, — голосом Жорика просто проблеял я. Самому противно.

Девочки переглянулись. Не поверили.

— Зачем? — тихо спросила Алина. — Ты же даже носки не убираешь? Говоришь, у них там дом?

Я кашлянул, по-человечески грубо.

— Теперь я буду более, ээ, — смущенно пробормотал я, — Ответственным?

Алина нахмурилась и подошла ближе. Посмотрела на меня с подозрением.

— Чай? — воскликнула она. — Ты же всегда пьёшь кофе?! Литрами. Без сахара.

Я не учёл этого. Я знал, что Жорик пьёт чёрный кофе. Но я — кролик. Люблю сладкое. Я не терплю горький кофе.

— Решил перейти на чай. Полезнее.

И опять улыбнулся. Получилось так себе.

Алина недоверчиво хмыкнула. Арина подошла к клетке. Там, на полу, всё ещё лежал Жорик. Он пытался встать. И всё падал.

— А почему Шик так странно себя ведет? — озадаченно спросила Арина.

Я обернулся. Жорик смотрел на дочерей с отчаянием. Хотел сказать им что-то важное. Но из его рта доносился лишь жалобный писк.

— Тяжёлый день. Он просто устал, — попытался вывернуться я. И был очень близко к провалу.

Жорик (в теле кролика) начал колотить лапами. Пытался привлечь внимание. Он бился о прутья, смотрел на девочек, вытягивал лапы и кричал! Свое новое: «Ип-ши-пип!»

— Странно, — нахмурилась Арина. — Обычно Шик так себя не ведет. Он сидит с достоинством. Как настоящий аристократ.

Слезы умиления наполнили мои человеческие глаза. Моя девочка!

Я сглотнул.

— Он не в духе сегодня, — сказал я. — Погода меняется.

Алина и Арина переглянулись. Чистое, откровенное, детское подозрение было на их лицах.

— Пап, — заботливо спросила Алина, — с тобой всё в порядке? Может, маме позвонить?

— Не стоит, — убедительно соврал я. — Всё прекрасно.

Я дёрнул носом. Чуть его не свернул. Кроличья привычка, чтобы уловить запах. Но человеческие носы не дёргаются.

Девочки снова переглянулись.

— Аллергия, — быстро сказал я. — На пыль.

Они переглянулись в третий раз. Потом, молча, сняли рюкзаки и сели за стол. Напротив меня. Смотрели на меня, как на допросе.

— Странно, — протянула Алина. — Очень странно.

Арина кивнула. Я чувствовал, как пот стекает по моей новой человеческой спине. Мой нос дёргался. Пульс зашкаливал. Они мне не поверили. И были правы. А скоро должна была прийти Маруся. Маруся! Нам с Жориком — конец.

Я приготовил ужин. Никогда не умел готовить. Но умел смотреть телевизор. Я включил кулинарный канал и пытался повторить то, что показывали. У меня получилось что-то странное. Овощное рагу. Нарезал морковь, кабачок, картофель, сложил в кастрюлю и тушил. Без мяса. Ужин получился съедобным. На вкус — как трава, но для меня это нормально.

Накрыл на стол. Идеально. По этикету. Смотрел там же. Чувствовал себя как дома. В своём кроличьем доме, где всё было по правилам.

В семь часов вечера дверь открылась.

Маруся. Серьезная. Красивая. В белом халате поверх строгого костюма. Ответственный медицинский работник. Почти кандидат наук!

Она сняла туфли на каблуках, прошла в гостиную.

Замерла на пороге.

Квартира сияла. На столе — горячий ужин. Я — в центре, в идеально белой рубашке. Нашёл в шкафу и застегнул до самого верха. Смотрел по телевизору канал о природе. Шли документальные кадры о жизни диких кроликов.

— Ты... — начала она и замолчала.

Я повернулся к ней. Улыбнулся. Снова неудачно.

— Добрый вечер, Маруся, — бодро сказал я. — Ужин готов. Проголодалась? Она не двинулась с места. Её тёмные, пронизательные глаза впились в меня.

— Немедленно говори, что ты натворил. Заболел? — отрывисто спросила она. — Тебя уволили? Нас обокрали? Что-то с девочками?

И прижала руку к груди — туда, где у людей сердце.

— Нет, все нормуль!

— Нормуль? — хмуро переспросила Маруся. — Что еще за «нормуль»?

Я замер. Опять выдал себя.

Маруся подошла ближе. Попробовала овощное рагу.

— Ты же ненавидишь овощи, — удивилась она. — Это же «еда для коров»?

— Я решил перейти на здоровое питание, — прошептал я, близкий к обмороку.

Маруся пристально смотрела на меня. Положила ложку на стол.

— Жорик, скажи мне правду, — медленно произнесла она. — Что с тобой? Ты весь день молчал. Теперь убрался и приготовил ужин. Признайся, что ты сотворил, и мы все исправим. Мы справимся. Я — врач. Я все выдержу. Только не ври мне. Тайное всегда становится явным. Я ничего не ответил. И опустил голову.

Маруся вздохнула и сжала губы. Она подозревала Жорика в чем-то очень вредном. Может даже, преступном. Я видел это по её опущенным плечам и погасшему взгляду.

— Поговорим завтра, — холодно сказала она. — Я устала. Идём спать.

Я кивнул. Знал, что разговора завтра не будет. Она снова будет работать и смотреть на меня с подозрением. Но сейчас она оставила меня, бедного, в покое.

Дверь в спальню закрылась.

Мы с Жориком остались одни. Он лежал в клетке. Перестал колотить по прутьям. Отчаялся. Просто лежал и смотрел на меня. С укором.

— Знаю, что облажался — прошептал я.

А ночью вдруг услышал разговор. Тихий, тайный. Донесшийся до меня из детской.

— Это не папа, — сказала Алина. — Точно, не папа.

— Ну да, — ответила Арина. — И кролик тоже странный.

— Как будто он не кролик, — прошептала Алина. — Я думаю, они поменялись местами. Как в том фильме, который мы смотрели.

— Так не бывает. Это фильм. Не по-настоящему.

Девочки молчали. Потом Алина сказала:

— Давай проверим. Завтра утром дадим папе морковку. Если он будет её есть... Значит, он не наш папа.

— Он говорит, что она для лошадей, — закончила Арина.

— Все кролики любят морковку, — задумчиво протянула Алина. — Даже Шик.

Не было видно, улыбаются они или нет. Но я знал, что на их лицах появились озорные, как у Жорика, улыбки.

— Завтра, — говорила Алина. — Мы всё узнаем.

— И если это правда, — вторила ей Арина, — мы им поможем!

Замолчали. Уснули, наверное.

За окном шумел ветер. Гроза прошла, но воздух всё ещё был тревожен.

А я, Шик, сидел на кухне. Держал в руках пустую чашку. Смотрел на клетку, где несчастный Жорик наконец перестал колотить по прутьям. И думал о многом сразу.

Кролики — это серьезно. Но быть человеком — хуже. Потому что человек должен врать и выкручиваться. А у кроликов нет в этом никакой необходимости.

Глянул в окно. В стекле отражалось лицо Жорика. Не моё.

Глава 3. ТАЙНЫЙ СОВЕТ В ДЕТСКОЙ

Я лежал в темноте и не мог уснуть.

Тело было чужим. Кровать — чужой. Подушка пахла шампунем и ещё чем-то неуловимо человеческим. Я отказывался идентифицировать. Перевернулся на бок. Потом на спину. Снова на бок. Ничего не помогало. Мои бывшие кроличьи лапы умели сворачиваться в идеальный клубок за три секунды. А эти человеческие конечности торчали во все стороны, как палки в неумелой кладке.

Я закрыл глаза и попытался представить сено. Свежее, хрустящее, пахнущее летом. Вместо этого я чувствовал запах собственного пота. Человеческого. Я скривился. Унизительно.

В коридоре раздался шорох. Я замер. Шаги. Два человека. Лёгкие, крадущиеся. Я приподнял голову. Сердце заколотилось. У людей сердце почему-то стучит слишком громко. Шаги приближались. А потом затихли у кухни.

Я сел на кровати. Ноги всё ещё дрожали, но я уже умел управлять ими. Не идеально, но достаточно. Бесшумно, как умеют только кролики (даже в человеческом теле), подкрался к двери. Приоткрыл её на сантиметр.

В тусклом свете ночника я увидел Арину и Алину. Они крались к клетке. У одной в руке была морковка. Большая, оранжевая. Я узнал её. Морковка, которую Жорик купил мне, на днях. Моя морковка. Близнецы что-то задумали.

Я затаил дыхание. Мои девочки. Единственные союзники в этом доме. Они что-то почувствовали.

Арина осторожно открыла дверцу клетки. Алина протянула руки к кролику. Жорик лежал на сене неподвижно. Я видел его глаза в полутьме, они смотрели в одну точку. Он отчаялся. Перестал бороться.

— Пап, — прошептала Алина. — Это мы.

Жорик вздрогнул. Его уши дёрнулись. Он повернул голову и увидел дочерей. И тогда случилось чудо. Он вскочил. Его маленькое тельце затряслось, и он начал колотить лапами по прутьям. Он стучал, стучал, стучал — быстро-быстро. Как барабанщик, сошедший с ума от радости.

— Тише, — зашипела Арина. — Маму разбудишь!

Жорик не унимался. Он прыгал на задних лапах, падал, снова вставал и снова стучал. Он хотел обнять их. Он хотел сказать им что-то важное. Но из его рта доносилось только:

— Пип-шип-пип!

Алина достала его из клетки. Жорик не сопротивлялся. Он прижался к её груди и дрожал. От страха, отчаяния и надежды. Одновременно. Я знал это чувство. Я сам был таким же несколько часов назад.

Они посадили его на стол. Жорик попытался встать на задние лапы. И падал, как мешок с сеном. Арина едва не рассмеялась.

— Смотри, он понимает нас, — удивилась Алина. — Он смотрит нам в глаза.

— Если ты — папа, — медленно произнесла Арина, — моргни два раза.

Жорик моргнул. Раз. Два. Медленно. Осознанно. Без единого намёка на кроличью случайность.

Теперь у Арины подкосились ноги. Она села на стул. Побеледнела.

— Это правда, — выдохнула она. — Папа.

— А тот, — Алина кивнула в сторону спальни, — который в папином теле — это Шик?

Жорик закивал. Его пушистая голова тряслась так быстро, что грива разлетелась в разные стороны.

— Проверим, — решила Арина. — Если ты папа — съешь это.

Она протянула морковку. Огромную, хрустящую, с зелёным хвостиком. Жорик посмотрел на неё так, будто ему предложили съесть таракана. Он зажмурился. Его нос сморщился. Но он взял морковку маленькими лапками и впился в неё передними зубами.

Грыз он с отвращением. Каждый хруст сопровождался таким выражением мордочки, будто он жуёт стекло. Морковная стружка летела во все стороны. Алина прыснула.

— Он же ненавидит морковку! — воскликнула она. — Он всегда говорил, что это еда для лошадей! А теперь ест её сам!

Жорик смотрел на неё умоляющим взглядом. Он жевал и глотал, и каждый глоток давался ему с трудом. Морковка была огромной, а его кроличий рот — маленьким. Но он не останавливался. Он ел, как кролик. Чтобы доказать, что он — человек.

— Хватит, — решила Арина. — Мы поверили.

Жорик выдохнул. Уронил надкусанную морковку на стол. Его лапки тряслись. Он смотрел на дочерей с такой смесью боли и надежды, что у меня самого зашипало в глазах.

— Теперь идём к нему, — решительно сказала Алина. — К Шикю.

Я отпрянул от двери. Сердце колотилось. Мои новые человеческие ноги подкашивались. Я быстро вернулся на кровать и сел на краю. Изображая, что жду их.

Дверь в спальню приоткрылась. Алина вошла первой, Арина — следом. За их спинами я заметил маленькую шоколадную тень. Жорик прыгал за ними, но короткие лапки не поспевали.

— Мы знаем, — свистящим шепотом произнесла Алина. — Ты — не папа.

Я поднял голову. Посмотрел на них спокойно, как подобает аристократу. Даже если этот аристократ сейчас сидел в теле их небритого отца.

— Да, — гордо ответил я. Голос Жорика звучал уверенно. — Я — Шик.

Арина присела. Буквально — ноги подкосились, она просто упала на пол. Алина стояла на месте, но её глаза были размером с блюдце.

— Это... что, магия? — спросила она дрожащим голосом. — Или правда?

— Правда, — отвечал я. — Гроза. Молния. Кровь. Мы поменялись. Я хочу быть кроликом. Я не хочу быть человеком. Я хочу домой.

— Хочешь в клетку? — удивилась Алина.

— Да! — вырвалось у меня. — Я хочу быть в своей шкуре! В своей шкуре, а не в этой, чужой!

Арина и Алина переглянулись.

— Звучит как-то странно, — озвучила Алина.

— Я кролик! — шопотом закричал я. — Я хочу быть кроликом! А этот человек.

Я указал на Жорика, который наконец допрыгал до спальни.

— Он и должен быть человеком! Мы не на своих местах!

Замолчал. Сделал глубокий вдох. Внутри меня всё бурлило, но я взял себя в руки. Аристократ не теряет лица. Перед опасностью и детьми.

— Простите, — сказал я тише. — Я не хотел кричать. Но вы — мои союзники. Вы поверили. Вы умнее, чем ваш отец.

Жорик обиженно пискнул.

— Мы слышали от бабушки, — медленно сказала Арина, глядя на свои руки, — она рассказывала про обмен душами. Она говорила, что это случается, но редко. И что есть срок.

— Какой срок? — спросил я. Моё новое человеческое сердце забилось быстрее.

— Тридцать дней, — ответила Арина. — Если через тридцать дней не вернуться, обмен останется навсегда. Души срастутся с телами. И вы уже никогда не поменяетесь обратно.

Тридцать дней. Месяц. Я посмотрел на свои руки. На пальцы Жорика. На его ногти. Я представил, что проведу в этом теле всю жизнь. Буду есть его еду. Носить одежду. Жить с его семьёй.

Маруся, близнецы — они хорошие. Но я не хочу быть им мужем и отцом. Я хочу быть кроликом. Хочу сидеть в клетке, грызть сено и смотреть свысока на человеческий бардак.

— Мы поможем, — приняла решение Алина. — Найдём способ.

— Но как? — ужаснулся я. — Вы — дети. Я — кролик в теле человека. У нас нет магии.

— У нас есть интернет, — решительно отмела возражения Алина. — Там есть всё.

Впервые я увидел в её глазах огонь. Тот самый огонь, который был у Жорика, когда он придумывал свои дурацкие изобретения.

Теперь мы сидели в детской. Компьютер гудел, как злобный зверь. Тусклый свет монитора освещал наши лица. Арина сидела слева, я — справа, Алина стояла за нашими спинами, прижимая к груди Жорика. Он сидел на её руках и смотрел на экран так, будто понимал каждое слово. Что, в общем, соответствовало действительности.

— Что вводим? — спросила Арина.

— Обмен телами, — определилась Алина.

Арина напечатала. Страница загрузилась. И мы увидели кучу ерунды. Сайты с заголовками: «Как поменяться телами за пять минут», «Магия крови для чайников», «Обмен душами без последствий». Алина открыла один из них и начала читать вслух:

— «Возьмите грибы-мухоморы, засушите их в печи, съешьте на закате и громко произнесите заклинание»... Арина, это же фейк!

— Я знаю, — с досадой ответила Арина. — Мы не будем есть грибы.

Я смотрел на экран, и отчаяние снова подступало к горлу. Бесполезно. Эти сайты придумали люди, чтобы пугать друг друга. Никто из них не знал правды.

— Подождите, — остановила нас Алина. — Посмотрите на этот форум.

Она показала на ссылку внизу страницы. Чат. «Питомцы среди нас. Кто ты — если не питомец?».

— Странное название, — пробормотала Арина. — Но давай попробуем.

Она нажала на ссылку. Открылась тёмная страница. Чёрный фон, зелёные буквы. Никнеймы вместо имён. «Кот-инженер», «Пёс-пожарный», «Хомяк-качок». И строка регистрации.

— Я введу «Двойная игра», — сказала Арина. — Потому что нас двое, и мы играем в сыщиков.

Она зарегистрировалась и написала первое сообщение.

— Что написать? — спросила она.

— Напиши правду, — сказала я. — Мы — девочки. Наш папа поменялся с кроликом. Помогите.

Алина засмеялась.

— Звучит как сумасшествие.

— Так и есть, — степенно определил я. — Но это правда.

Арина напечатала и нажала отправить. Мы ждали. Минута. Две. Компьютер гудел. Жорик на коленях у Алины нервно дёргал ушами. Я чувствовал, как пот стекает по моей человеческой спине.

И вдруг — уведомление. Новое сообщение. Ответ. Не от админа, а от случайного пользователя с ником «Грызун».

— Открой, — велела Алина.

Арина открыла. И мы прочитали:

«Ого! У нас тут такое бывает! Я сам хомяк в теле бодибилдера. Добро пожаловать в наш клуб».

Мы замерли. Я перечитал сообщение три раза. Потом поднял глаза на близнецов. Их лица сияли.

— Хомяк в теле качка? — прошептала Алина. — Смешно!

Я не мог сказать ни слова. Внутри меня что-то тёплое разливалось в груди.

Я не один. Не просто кролик, застрявший в человеке. Я — часть чего-то большего. Явления! Системы!

— Завтра напишем ему, — решила Арина. — Узнаем, что делать дальше.

— А сейчас — спать, — зевнула Алина. — У нас впереди тридцать дней.

Они уложили Жорика обратно в клетку. Жорик не сопротивлялся. Он лежал на сене, смотрел на дочерей и стукнул лапкой — один раз. «Спасибо». Я понял это без слов.

Я вернулся в спальню. Лег и попытался свернуться в клубочек. Посмотрел в потолок. Глаза закрывались. Тело устало. Но в груди билась надежда.

Кролики — это серьезно. И я найду способ вернуться. Даже если для этого придётся довериться двум десятилетним девочкам и хомяку, в теле качка.

Я улыбнулся. И уснул.

ГЛАВА 4. НОВЫЙ «ПАПА» ИДЁТ НА РАБОТУ К «МАМЕ»

Утро началось с того, что я проснулся и не упал с кровати.

Это был прогресс. Всего день назад я вообще не мог встать на ноги. А сегодня я сел, потянулся, зевнул! Человеческая челюсть хрустнула, но я привык. Бодро и уверенно пошёл в ванную. Ноги тряслись, но я держался. Я — аристократ. Падать не должен.

В ванной я увидел лицо Жорика. Оно уже не вызывало у меня такого ужаса. Просто неприятное, но знакомое. Я взял расчёску. Нашёл её в ящике. За все время, что я жил у Девятковых, никогда не видел, чтобы Жорик пользовался расчёской. Он просто взлохмачивал волосы рукой и шёл на кухню. Неряха.

Я причёсался. Идеально. Каждый волосок лежал на своём месте. Потом я нашёл бритву. Порезался два раза, потому что человеческая кожа — это не шерсть, её надо брить аккуратно. Но результат был безупречным. Гладкое лицо. Никакой щетины. В зеркале отражался Жорик, но такой аккуратный и чистый, что я сам себя не узнал. Признаюсь! Я был даже немного красив. Не такой, как на самом деле. Но для Жорика — прогресс.

Надел чистую рубашку. Белую, с длинным рукавом. Нашёл её в шкафу — там висело несколько рубашек. Все унылые, никем не ношенные. Застегнул пуговицы до самого верха. Повязал галстук. Нашёл и его. Потом посмотрел на себя в зеркало и одобрительно кивнул.

Вот так должен выглядеть глава семьи. А не как тот небритый тип в футболке с динозавром.

На кухне я приготовил завтрак. Овсянку. Без сахара, но с ягодами. И овощной салат — огурцы, помидоры, зелень. Всё полезное, натуральное, кроличье. Я поставил тарелки на стол, разложил приборы. Идеально ровно. Спина прямая, руки на коленях.

Маруся спустилась через десять минут. Ещё сонная, но уже собранная. Вошла на кухню и застыла на месте. Её глаза пробежали по мне, столу, овсянке, салату. Потом она медленно перевела взгляд на мою причёску.

— Евгений, — спросила она очень тихо. — Ты... заболел?

— Нет, Маруся, — ответил я голосом Жорика. — Я просто решил стать лучше. Для тебя и семьи.

Она не моргала. Смотрела на меня так, будто я был пришельцем с другой планеты.

— Ты причёсался, — удивилась она. — Ты никогда не причёсывался. Ты даже расчёску в руках не держал. Я однажды купила тебе гель для волос, ты сказал, что это «липкая дрянь» и выбросил его.

— Я передумал, — отмел я все сомнения. — Взрослею, пора меняться.

— Побрился, — продолжала она, не обращая внимания на мои слова. — Ты не брился неделями. Говорил, что щетина — это круто. Как у рокера.

— Рокеры устарели, — грустно усмехнулся я. — Теперь в моде правильные мужчины.

Маруся подошла ближе. Села за стол. Посмотрела на овсянку.

— Овсянка, — она даже расстроилась. — Ты ненавидишь овсянку. Всегда называл её «клей для обоев». Говорил, что она вязкая, безвкусная и вообще это «не еда, а наказание».

— Пересмотрел взгляды на питание, — я парировал, как лучший адвокат. — Овсянка полезна для желудка. И для сердца.

Маруся посмотрела на меня так, будто я сказал, что луна сделана из сыра. Она взяла ложку, попробовала овсянку. Потом отодвинула тарелку.

— Ты что-то скрываешь, — она сделала неутешительный вывод. — Я знаю тебя пятнадцать лет. Ты не тот человек, который просыпается, причёсывается, бреется, готовит овсянку и заправляет галстук. Ты, всегда спал до последнего, выбегал из дома с носком на голове и пил кофе из кофейника. Из горла.

Я хотел сказать, что эти носки на голове видел собственными глазами. Ужасно. Но промолчал. Только дёрнул носом. Человеческим носом. И тут же поймал её взгляд.

— Ты дёргаешь носом, — воскликнула она. — Опять. Как вчера. Это не аллергия.

— Нет, — нашелся я. — Это... нервный тик. Я переживаю.

— О чём?

— О том, что ты меня не любишь.

Маруся вздохнула. Взяла мою руку. Её пальцы были холодными, но мягкими. Сжала мою ладонь и посмотрела в глаза.

— Жорик, — сказала она. — Если ты заболел, скажи. Я врач. Я помогу. Если у тебя проблемы на работе — скажи. Мы решим. Но не притворяйся тем, кем ты не являешься.

«Если бы ты знала, как близка к истине», — подумал я. Но вслух сказал:

— Я просто пытаюсь стать лучше.

Она отпустила мою руку и покачала головой. Потом встала, взяла свою сумку и направилась к двери.

— Идём. Я отвезу тебя в кардиоцентр. Хочу показать тебя специалисту. Вдруг, я что-то упускаю. Как жена. И надеюсь, близкий тебе человек.

Я чуть не подавился овсянкой. Кардиоцентр? Больница? Врачи? Я — кролик. Я должен сидеть в клетке и есть сено. А не ходить по больницам.

Но я встал, одернул рубашку и пошёл за ней. Потому что отказываться было нельзя. Маруся бы заподозрила неладное.

Дорога была ужасной. Машина пахла антисептиком и кофе. Маруся вела молча. Я сидел с идеальной осанкой, руки на коленях, смотрел прямо вперёд. Внутри меня всё дрожало. Снаружи я был спокоен. Как аристократ.

— Ты молчишь, — заметила Маруся через пять минут. — А обычно включаешь эту дурацкую музыку и подпеваешь. Не имея слуха и голоса!

— Я решил насладиться тишиной, — ответил я с достоинством. — Подумать о вечном.

— Ты не думаешь о вечном, — отрезала она. — Ты думаешь о настольных играх и пище. И о том, как починить ноутбук.

«Она права, — подумал я. — Этот человек пустой, несерьёзный. А я — серьёзный. Я — кролик. Аристократ. Я не должен быть в этом теле!»

Смотрел на улицу. Город проплывал мимо. Серые дома, зелёные деревья, люди с собаками. Обычный человеческий мир. В котором я был чужим. Декоративным.

Кардиоцентр оказался огромным зданием. Белым, чистым, стерильным. Я шагнул внутрь, и меня сразу накрыла волна запахов. Хлорка. Лекарства. Кофе из автомата. Всё смешалось в один мощный коктейль, который я едва выдерживал.

Маруся вела меня по коридорам. Я шёл за ней, стараясь держать спину прямо. Врачи и медсёстры смотрели на нас с удивлением.

— Это Жорик, мой муж, — говорила Маруся каждому, кто встречался на пути. — Он пришёл посмотреть, где я работаю.

— Очень приятно, — говорил я и кивал. И запоминал имена. Все имена. Я читал бейджики, таблички на дверях и запоминал каждое.

— Здравствуйте, Анна Петровна, — сказал я медсестре с бейджиком. — Рад вас видеть.

— Доброе утро, доктор Смирнов, — кивнул я врачу. — У вас отличный кабинет.

Врачи переглядывались. Они явно не привыкли, чтобы муж Маруси здоровался. Да еще так официально. Они привыкли видеть небритого типа в футболке, который подмигивал медсестрам и говорил: «О, ты здесь работаешь? А я думал, ты мороженое продаёшь».

Прошёл в ординаторскую. Там было шумно. Врачи пили чай, обсуждали пациентов. А вот и подруга Маруси, коллега, Света. Они частенько по вечерам сидели вместе на нашей кухне, пили кофе и обсуждали. В основном, Жорика. Света сидела за столом, пила кофе и болтала с коллегой. Увидев меня, она поперхнулась.

— Марусь, — прошептала она громко, — это твой муж?

— Да, — ответила Маруся.

— Он причёсан, — удивилась Света, глядя на меня. — Э-э-э. Ты уверена, что это он?

— Сама в шоке, — ответила Маруся. — Вот, хочу, чтобы наши его посмотрели. Или может, это я сошла с ума.

Света подошла ко мне. Осмотрела мой воротник, пуговицы, идеально отглаженную рубашку.

— Жорик, — докторским голосом произнесла она, — ты стал выглядеть как... как директор банка. Ты что, устроился на новую работу?

— Нет, — гордо, но вежливо ответил я. — Решил изменить стиль.

— Стиль? — переспросила Света. — У тебя никогда не было стиля. Ты говорил, что стиль — это для тех, у кого есть чувство вкуса. А у тебя оно «в спячке».

Я хотел ответить что-то остроумное, но в этот момент взгляд упал на её сумку. Там висел брелок. Резиновая морковка. Яркая, оранжевая, с зелёным хвостиком. Я смотрел на неё и не мог отвести взгляд.

— Зачем ты смотришь на мою сумку? — опасливо спросила Света. И отодвинулась.

— Морковка, — выдохнул я. — Красивая.

— Это брелок, — сказала Света. — Резиновый. Он не настоящий.

— Я знаю, — признался я, но не отвёл глаз. Мне хотелось взять её в руки. Понюхать. Лизнуть. Хотя бы потрогать.

— Марусь, — позвала Света, — твой муж сходит с ума. Он хочет мою морковку.

Маруся подошла, взяла меня за локоть и отвела в сторону.

— Евгений, — прошипела она строго. — Что на тебя нашло? Ты хочешь брелок в виде морковки?

— Она красивая, — повторил я. И мне стало стыдно. Но я не мог ничего с собой поделать. Инстинкты.

В этот момент в коридоре появился Константин Павлович. Завхоз. Брюзга с вечно недовольным лицом. Он нёс какие-то бумаги и ворчал на медсестру.

— Я же сказал, заполняйте бланки правильно! — верещал он. — А не как попало! Здесь больница, а не зоопарк!

Я вздрогнул на слове «зоопарк». Константин увидел меня, нахмурился.

— А это кто? — спросил он.

— Это мой муж, Жорик, — представила меня Маруся. — Он просто посмотреть.

— А, тот самый бездельник, — проворчал Константин и ушёл.

Я выдохнул.

У Маруси начинался обход пациентов. Она взглянула на Свету, но та крепко прижала к себе сумку и отрицательно покачала головой. Ничего не оставалось бедной Марусе, как взять меня с собой. Она выдала мне белый халат с чьим-то бейджем. И мы пошли.

Маруся завела меня в палату к пациенту. Иван Иванович, 70 лет. Лежал на койке, подключённый к мониторам. Сердцебиение, давление, кислород. Я смотрел на него. И вдруг услышал звук. Тонкий, едва различимый шум. Он шёл из груди пациента.

— Что с тобой? — спросила Маруся.

— Я слышу, — удивленно сказал я.

— Что?

— Шум. У него шум в сердце. Левый клапан. Там проблема.

Маруся замерла. Врачи засмеялись. Доктор Смирнов покачал головой.

— Евгений, вы — айтишник, — авторитетно сказал он. — Вы даже не медик. Откуда вы знаете про клапаны?

— Я слышу, — повторил я. — Проверьте. Сделайте УЗИ. Там микротромб.

Смех стих. Врачи переглянулись. Маруся смотрела на меня с ужасом. Константин Павлович, который проходил мимо, остановился.

— Проверьте, — велел он. — Если он не ошибается — я выгоню половину ординаторов. Все засуетились. Начали проверять.

Сердце Ивана Ивановича на экране билось ровно. Монотонно. А потом мы увидели тень. Маленькую, почти незаметную. Микротромб. Там, где я указал.

Тишина накрыла палату. Доктор Смирнов чуть не уронил очки. Маруся побелела. Константин Павлович посмотрел на меня с сомнением. И бровями пошевелил. Мне даже страшно стало. По-моему он знал кроличий язык. Немного.

— Чёрт возьми, — удивился Смирнов. — Он прав. Там патология. Мы пропустили, на первом осмотре.

— Откуда ты знаешь? — зашептала Маруся. — Откуда?!

Я чувствовал, как пот стекает по спине. Но удержал лицо.

— Я читал в интернете. — начал я. — Статью. Случайно наткнулся. Запомнил.

— Ты читаешь статьи по кардиологии? — переспросила Маруся. — С каких пор?

— Совсем недавно, — соврал я. — Решил расширить кругозор.

Маруся ничего не сказала. Она просто смотрела на меня. В её глазах было что-то такое, отчего мне стало страшно. Она почти догадалась.

В ординаторской Света оттащила Марусю в угол.

— Маруся, — зашептала она, — это не нормально. Твой муж спас пациента. Он поставил диагноз лучше нас. Ты уверена, что он — твой муж?

— Я сама не знаю, — ответила Маруся. — Он причёсан. Бреется. Ест овсянку. Запоминает имена! А теперь он ставит диагнозы!

— Может, он тебе изменяет? — предположила Света. — И у него совесть проснулась? Хочет как-то загладить вину?

— Он не умеет изменять, — грустно ответила Маруся. — Он даже носки не может спрятать. Я их всегда нахожу.

— Тогда что?

— Я не знаю, — вздохнула Маруся. — Но я выясню. Ух, как я ему тогда задам!

Я сидел в углу и слышал каждое их слово. Кроличий слух не подвёл меня. Я знал, что она близка к разгадке. И это пугало меня.

В коридоре меня перехватил Константин Павлович.

— Молодой человек, — обратился он ко мне. — Вы поставили диагноз! На слух! Это впечатляет. У вас талант.

— Случайность, — пробормотал я.

— Случайности не ставят такие диагнозы, — отмахнулся Константин Павлович. — У нас есть вакансии ассистента в кардиоотделении. Оклад небольшой, но работа интересная. Хотите?

Маруся подошла сзади.

— Константин Павлович, — вступилась она, — он айтишник. Ничего не понимает в медицине.

— Сегодня он доказал обратное, — строго возразил Константин Павлович. — У вас есть сутки на размышление. Если согласитесь — завтра жду вас в отделении.

Я открыл рот, чтобы отказаться. Но Маруся смотрела на меня. Ждала ответа. Если я откажусь, она подумает, что я что-то скрываю. Если соглашусь — я буду работать здесь. В этом кошмаре. В этом мире белых халатов и запаха хлорки.

— Я подумаю, — сказал я. — Дам ответ завтра.

Маруся схватила за голову. Константин Павлович пожал плечами и ушёл, напевая. Совершенно не имея ни слуха, ни голоса! Врачи шептались за спиной. Я чувствовал их взгляды. Они видели во мне чудо. Или безумца. Не знал, что хуже. Могут и побить. Чтобы не высовывался.

Мы ехали домой в полной тишине. Машина пахла антисептиком и моим страхом. Маруся молчала. Я сидел с прямой спиной и смотрел на дорогу.

— Евгений, — сказала она наконец. — Кто ты?

Я почувствовал, как сердце забилося быстрее. Вот оно. Вопрос, которого я боялся.

— Я твой муж, — честно ответил я. — Жорик.

— Ты не он, — отрезала Маруся. — Ты — кто-то другой.

— Я изменился, — пискнул я. — Люди меняются.

— Не так, — с сомнением ответила она. — Не за один день.

Она остановила машину у дома. Я вылез. Ноги тряслись. Я посмотрел на себя в зеркало заднего вида. Лицо Жорика. Чужое. Не моё. Я не хотел быть им. Хотел домой. В клетку. Где сено и безопасность.

— Мне нужно заехать еще в одно место, — не глядя на меня сказала Маруся, — Иди домой, я скоро приеду.

Кролик — это серьёзно. И я не могу больше притворяться. Но я должен был. Хотя бы ещё один день.

Я вошёл. Сел на пол в прихожей, уткнувшись головой в колени. Близнецы уже ждали меня. В их глазах был вопрос.

— Что случилось? — спросила Арина.

— Не знаю, — ответил. — Я почти провалился. Мне предложили работу.

— Какую? — спросила Алина.

— Ассистента при кардиоологии, — рассказал я. — Я должен завтра согласиться или отказаться. А Маруся меня убьет. И Света не отдала мне морковку. Я очень несчастен.

И всхлипнул. Какой позор!

Близнецы переглянулись. Потом Алина подошла ко мне и обняла. Маленькая, тёплая.

— Мы что-нибудь придумаем, — сказала она. — Найдём способ. Мама добрая. Просто, она волнуется. И любит. Всех нас. И тебя, Шик, тоже.

Я кивнул. Но внутри всё сжималось от страха. Тридцать дней. Тридцать дней, чтобы вернуться. И каждый день я запутывался всё сильнее.

О, мое бедное достоинство.

Бедный Шик.

Глава 5. ЧАТ ВЫДАЁТ ПЕРВУЮ ПОДСКАЗКУ

Маруся на следующий день выдала мне кучу поручений. Хорошо, что у меня отличная память. Выполнил все. Даже молока купил. Но ресурс мой на этом был исчерпан. Абсолютно.

Я вошёл в квартиру и прислонился спиной к двери.

Ноги дрожали. Руки тряслись. Всё моё новое человеческое тело было покрыто липким потом. Я закрыл глаза и попытался успокоиться. Не получилось. Внутри меня всё кипело — страх, отчаяние, надежда. И куча вопросов, на которые я не знал ответов.

Из детской доносился шёпот. Тонкий, прерывистый. Близнецы. Они о чём-то говорили. Я прислушался. Кроличий слух не подвёл меня даже в этом человеческом теле.

— ...чат сказал... фото... 30 дней...

Я замер. Чат? Тот самый чат? «Питомцы среди нас»? Они уже переписывались? Я на цыпочках подошёл к двери детской и прижался ухом к щели.

— Мы должны отправить фото, — говорила Арина. — Админ сказал, что проверит.

— А если он не поверит? — спросила Алина. — Если он подумает, что мы шутим?

— Мы не шутим, — ответила Арина. — Мы сфотографируем папу и Шика. И он увидит.

«Они что-то нашли. Они знают больше, чем я. Надежда — вот она, за этой дверью». Я постучал. Тихо. Два раза. Шёпот стих. Потом дверь приоткрылась, и в щели показалось испуганное лицо Алины.

— Ты подслушивал? — спросила она.

— Я кролик, — напомнил я. — У меня хороший слух. Вы нашли что-то в чате?

Алина отступила, пропуская меня. Я вошёл в детскую. Компьютер гудел, экран светился зелёным. Арина сидела за столом, рядом с ней лежал телефон. На коленях у Алины сидел Жорик (в теле кролика). Он смотрел на меня с надеждой и страхом одновременно. Бедняга.

— Мы переписываемся с админом, — сказала Арина. — Его ник — «Мурзик». Он сказал, что может определить, настоящий ли обмен.

— И как?

— Он попросил фото, — ответила Алина. — Фото папы и Шика. Мы хотим сделать их сейчас.

Я посмотрел на свои руки. Руки Жорика. Потом на клетку, где лежало сено. На Жорика, который сидел на коленях у Алины.

— Делайте, что хотите! — покорился я неизбежному. — Я готов.

Алина подняла телефон. Я выпрямился, поправил воротник рубашки и сложил руки перед собой, как подобает аристократу.

— Не надо так, — попросила Арина. — Ты должен выглядеть как папа. Неряшливо. Небрежно. Ты же не причёсываешься.

— Я не умею выглядеть неряшливо, — возмутился я. — Это противоречит моей природе.

— Просто взлохмать волосы, — указала моя девочка. — И расстегни пуговицу.

Я с отвращением провёл рукой по голове и расстегнул верхнюю пуговицу. Почувствовал себя голым. Алина щёлкнула. Потом сфотографировала Жорика в клетке. Он сидел на сене с таким несчастным видом, что у меня сжалось сердце.

— Отправляю, — предупредила Арина.

Мы ждали. Минута. Две. Компьютер гудел. Жорик нервно дёргал ушами. Я чувствовал, как пот снова стекает по спине.

И вдруг — уведомление. Ответ от Мурзика.

«Я вижу — души перепутаны. Это редкая магия. У вас 30 дней. Потом обмен останется навсегда».

Алина прочитала вслух. Мы переглянулись.

— Мы знали, — подтвердила Арина. — Тридцать дней. Это подтверждение.

— Что делать? — возопил я.

Алина обновила страницу. Новое сообщение от Мурзика:

«Найдите «источник обмена» — место, где смешались кровь и молния. Там — ключ».

Я почувствовал, как сердце забилося быстрее. Кровь и молния. Лоджия. Кухня! Место, где всё случилось.

— Лоджия, — взвизгнул я. — Кухня! Мы должны пойти туда.

— Сейчас? — спросила Арина. — На улице темнеет.

— Сейчас, — я не знал пощады. — Мы не можем ждать.

Взяли фонарики и пошли на лоджию. Жорик прыгал за нами. Он уже научился передвигаться на четырёх лапах, хотя падал через каждые три шага. Лоджия встретила нас холодом и запахом озона. Я включил свет. На полу всё ещё лежали осколки стекла. Мы не убрали их. Не было времени. И сил.

— Смотрите, — сказала Арина, направляя фонарик на пол. — Кровь.

Два тёмных пятна. Одно — человеческое, большое. Второе — кроличье, маленькое. Они засохли, но я помнил, как они смешались. Как золотой свет озарил кухню.

— Здесь всё началось, — прошептал. — Я упал, Жорик упал. Молния ударила в карниз. Стекло разбилось.

Я показал на почерневший пластик карниза. Он был оплавлен.

— Это магия, — сказала Алина, проводя пальцем по осколку. — Магия, которая вас соединила.

— А теперь нам нужно её разорвать, — подсказал я. — Но как?

— Нам нужен ритуал, — сказала Арина. — Мы должны найти способ повторить условия. Я посмотрел на небо. Облака. Но грозы не предвиделось.

— Мы вернёмся в комнату, — выдвинул я блестящую идею. — И поищем в интернете. Вдруг есть способ вызвать молнию.

Мы вернулись в детскую. Компьютер гудел. Алина открыла браузер и начала набирать запросы: «как вызвать молнию», «ритуалы с молнией», «древние обряды». Результаты были ужасными. Первый сайт предлагал «потрите воздушный шарик о голову». Второй советовал «петь на крыше в грозу».

— Это всё ерунда, — сердилась Арина. — Мы не найдём ничего настоящего.

— Подождите, — рассудила Алина. — Смотрите.

Она открыла странный сайт. Старая, пожелтевшая страница с текстом на латыни. Внизу был перевод.

«Для обращения к силам природы и вызова молнии необходимо: встать на место, где пролилась смешанная кровь, произнести заклинание, трижды повторив имена ветра и грома, и ждать. Когда молния ударит — желание исполнится».

— Заклинание, — прочитала Алина. — Длинное. Я попытаюсь произнести его.

Она попробовала. Получилось смешно. Звуки латыни коверкались, превращаясь в нелепые слоги. Я подавил желание засмеяться.

— Ты говоришь как пьяный священник, — я фыркнул. — Но это лучше, чем ничего.

— У нас есть 30 дней, — сказала Арина. — Если мы будем ждать случайную грозу, можем не успеть.

— Проверьте прогноз, — предложил я.

Алина открыла прогноз погоды. Через пять дней обещали сильную грозу. С молниями, ливнем. Со всем, что нам нужно.

— Пять дней, — задумалась Арина. — У нас есть пять дней, чтобы подготовиться.

— Мы должны быть готовы, — отрезала Алина. — В точности повторить ритуал.

Усталость навалилась на меня. Но внутри росла надежда. Первая настоящая надежда за все эти дни.

— Я расскажу вам правду, — я опустил голову. — Всю правду.

Близнецы уставились на меня. Жорик поднял голову.

— Я — Шик. Я был кроликом. Я жил в клетке, ел сено и слушал Моцарта. Я — аристократ. А ваш отец — раздолбай, который оскорблял меня и гладил против шерсти. Но я не хочу быть им. Я хочу быть собой.

— Мы знаем, — подтвердила Алина. — Мы всегда знали.

— Я хочу домой, — всхлипнул я. — В клетку, где сено. Я хочу, чтобы это тело исчезло из моей жизни навсегда.

Жорик спрыгнул с колен Алины и подошёл ко мне. Он посмотрел мне в глаза. Потом медленно, словно извиняясь, потёрся о мою ногу. Шерсть была тёплой и мягкой. Я не ожидал, что кролик может быть таким нежным.

— Он извиняется, — объяснила Арина. — Он понимает, что был неправ.

— Мы все ошибаемся, — признал я и погладил его. — Даже аристократы.

Мы составили план. Пять дней до грозы.

— Мы должны сделать всё в точности, — оазьяснила Арина. — Свечи, кровь, заклинание. И мы должны быть на лоджии в момент удара молнии.

— А если Маруся узнает? — сомневалась Алина.

— Она не должна узнать, — готов был в этом поклясться. — Я должен быть Жориком. Грубым, неряшливым, забывчивым. А я — идеальный. Это подозрительно.

— Ты должен постараться, — умоляла Арина. — Хотя бы на пять дней.

Закрыв глаза. «Быть как Жорик». Это самое трудное испытание в моей жизни.

— Я попытаюсь, — скрепя сердцем согласился я. — Но не обещаю. Это за пределами моей компетенции.

Алина подняла заклинание, переписанное на листок.

— Я выучу его наизусть, — решительным голосом сказала она. — Буду хранить его.

— А я буду командовать, — подвела итоги Арина. — Следить, чтобы всё шло по плану.

— А я, — выдвинул бедный я свою теорию, — буду стоять на лоджии и ждать молнию. И надеяться.

Мы замолчали. Тишина была странной. Жорик уснул у меня на коленях. Я чувствовал его маленькое тельце и дыхание. Думал о том, что мы больше не враги. Мы — команда.

Поздняя ночь накрыла квартиру. Я вышел на лоджию и посмотрел на небо. Облака плыли, скрывая звёзды. Где-то там, за горизонтом, уже собиралась гроза. Та самая, которая спасёт меня. Или уничтожит последнюю надежду.

Я вдохнул холодный воздух и прошептал, как клятву:

— Кролики — это серьезно. Я справлюсь. Обещаю.

Ветер шевельнул мои волосы. Где-то далеко сверкнула молния. Я улыбнулся.

Впервые за долгое время — искренне.

Отчего-то запахло сандалом и кедрами.

Мир опять все делал по-своему.

Глава 6. ЖОРИК УЧИТСЯ БЫТЬ ПИТОМЦЕМ

Утро началось с суеты.

Близнецы убегали в школу, на ходу застёгивая рюкзаки. Маруся вылетала на работу, натягивая белый халат прямо на ходу. Даже не глядя в зеркало. Дверь хлопнула — и квартира опустела.

Я остался один. С Жориком. Который сидел в клетке и смотрел на меня с той же умоляющей рожицей, с какой я сам не так давно смотрел на Жорика. Только теперь роли поменялись.

Я подошёл к клетке. Жорик поднял голову. Глаза были красными — плакал ночью. Кроличьи слёзы выглядят иначе. Они не текут по щекам, а делают глаза влажными и несчастными.

— Я не могу тебя выпустить, — сказал я голосом Жорика. — Ты сбежишь. Или что-нибудь натворишь.

Жорик застучал лапами по прутьям. Быстро-быстро, как барабанщик. Он хотел свободы.

— Это моя клетка, — наставительно разъяснял я. — Теперь она — твоя. Привыкай.

Жорик замер, смотрел на меня. В его взгляде читалось всё: обида, злость, но главное — полная беспомощность. Я знал это чувство. Сам испытывал его несколько дней назад.

Потом я вспомнил, как он называл мою гриву пылесборником. Гладил против шерсти. Смеялся надо мной. И внутри что-то дрогнуло.

— Ладно, — решил я. — Выходи. Но если ты что-нибудь сломаешь — я закрою тебя обратно.

Открыл клетку. Жорик рванулся вперёд — и тут же рухнул на пол. Лапки подкосились. Он лежал на боку, дёргая задними лапами, пытался встать.

Я смотрел на него и не мог сдержать улыбку.

— Ты не умеешь быть кроликом, — удивился я. — Прыгай. Грызи морковку. Будь питомцем.

Жорик поднялся на все четыре лапы. Он попытался подпрыгнуть — и снова упал на бок. Второй раз. Третий.

— Плохо, — покачал я головой. — У меня получалось лучше.

Жорик обиженно пискнул. Потом заметил на полу морковку. Большую, оранжевую, хрустящую. Он подпрыгнул к ней, взял в лапы и впился зубами.

Его кроличья морда скривилась так, будто он жевал пенопласт. Медленно, с отвращением. Морковная стружка летела во все стороны.

— Ты не умеешь есть морковку, — внушал я. — Смотри, как надо.

Взял другую морковку, откусил кусок и начал жевать. Жорик смотрел на меня с таким ужасом, будто я ел таракана.

— Это ты кролик, — напомнил я. — Или забыл?

Жорик обиженно отвернулся. Он сел на пол и уставился в стену. Потом медленно поднял лапу и посмотрел на неё. Когти. Подушечки. Короткая шерсть. Прелесть — что за лапа!

Смотрел на свою лапу так, будто видел впервые. Потом поднял другую. И вдруг зажмурился. Его тельце задрожало.

Я подошёл ближе. Жорик сидел на полу и дрожал. Из его глаз текли слёзы — крошечные, незаметные, но я видел их. Кролики плачут без звука.

— Ты вспоминаешь? — спросил я. — Как ты меня дразнил? Как ты говорил, что я — пылесборник? Гладил против шерсти?

Жорик открыл глаза. В них была такая боль, что я невольно отступил. Он медленно кивнул.

— Теперь ты знаешь, каково это, — сурово проговорил я. — Быть питомцем. Тем, на кого смотрят свысока. Быть маленьким и беспомощным.

Жорик стукнул лапой по полу. Один раз. «Да. Я понял».

Я сел на корточках рядом с ним.

— Я не злюсь на тебя, — уверил его я. — Честно. Я был на твоём месте. Я знаю, каково это — не уметь управлять своим телом. Не уметь говорить. Объяснить, кто ты. Это ужасно.

Жорик поднял голову. В его глазах блеснула надежда.

— Но ты должен научиться быть кроликом, — убеждал его я. — Хотя бы до грозы. Иначе нас разоблачат.

В этот момент раздался звонок. Громкий, настойчивый. Дверь. Я подошёл к глазку. Тётя Клава. Соседка снизу. В платке, с палкой и сумкой продуктов.

Я открыл.

— Здравствуй, Жорик! — заверещала она бодро. — У тебя соль есть? Моя кончилась.

— Здравствуйте, тётя Клава, — сказал я голосом Жорика. — Проходите. Соль есть.

Она вошла на кухню. И замерла. На столе сидел Жорик (в теле кролика). Сидел прямо, как человек, и смотрел на неё немигающим взглядом.

Тётя Клава выронила сумку.

— Это Шик? — спросила она неуверенно.

— Да, — вежливо ответил я. — Это он.

— Он смотрит на меня, как человек, — удивилась тётя Клава. — Жорик, у тебя кролик — инопланетянин?

— Нет, он просто умный, — похвалил я Жорика. — Я его дрессирую.

— Дрессируешь? — переспросила тётя Клава. — Он что, понимает команды?

Она подошла к столу и села напротив кролика.

— Ты понимаешь меня? — спросила она тихо. — Если понимаешь — кивни.

Жорик кивнул. Медленно. Осознанно. Тётя Клава побледнела. Её руки затряслись.

— Он кивнул! — закричала она. — Жорик, он кивнул!

— У него просто шея чешется, — сказал я. — Кролики часто так делают.

— Не шея, а голова! — воскликнула тётя Клава. — Он кивнул! Как человек! Это же мой переродившийся муж! Вася! Реинкарнация! Он обещал вернуться! И вернулся! В кролике!

Я почувствовал, как у меня начинает болеть голова. Только этого мне не хватало. Реинкарнация! Боже ты мой.

— Тётя Клава, — убедительно сказал я, — Дядя Вася умер 10 лет назад.

— И что? — возмутилась она. — Он обещал вернуться! Я ему верила! И вот — он здесь! Как в Индии!

Жорик (в теле кролика) смотрел на тётю Клаву с отчаянием. Он хотел сказать ей правду. Но из его рта вырывалось только:

— Пип-пип-шип!

— О, он говорит! — воскликнула тётя Клава. — Он пытается мне что-то сказать! Я должна спасти его! Забираю его к себе!

Она протянула руки к Жорику. Тот вытаращил глаза так, что они чуть не выпали. Отпрыгнул и упал со стола. Тётя Клава бросилась его ловить.

— Стойте! — закричал я. — Не трогайте его! Он пугливый!

— Он не пугливый! — вопила тётя Клава. — Он — мой Вася! Он меня узнаёт!

Жорик (в теле кролика) посмотрел на меня умоляюще и забился в угол. Он хотел, чтобы я помог. Подошёл и взял его на руки. Он прижался ко мне и дрожал.

— Тётя Клава, — сказал я строго, — это просто кролик. Он не Вася. Вася умер. И он не обещал вернуться в кролике.

— Откуда ты знаешь? — спросила она обиженно. — Ты был на его похоронах? Ты слышал его последние слова?

— Я не был, — почтительно сказал я. — Это просто совпадение.

Тётя Клава посмотрела на меня с подозрением.

— Ты странный, — вдруг сказала она. — Не такой, как раньше. Причёсанный. Аккуратный. Разговариваешь вежливо. Ты — не Жорик!

Я почувствовал, как холодная волна пробежала по спине.

— Я — Жорик, — внушал я этой вздорной женщине. — Просто я изменился. Хочу стать лучше.

— Изменился? — просто каркнула она. — Или тебя подменили? Может, вы — сектанты? И продали душу дьяволу, а теперь перерождаетесь в кроликов?

— Мы не сектанты! — воскликнул я. — Мы обычная семья!

— Обычная семья не держит кролика, который кивает, как человек! — твердо выдала тётя Клава. — Обычная семья не разговаривает с кроликами! Обычная семья не заставляет кроликов плакать!

Она показала пальцем на Жорика. Тот действительно плакал. Кроличьи слёзы текли по шерсти.

— Я вижу! — угрожающе зашипела она. — Вы его мучаете! Вы — монстры!

— Мы не мучаем! — закричал я. — Он просто устал!

Жорик (в теле кролика) вдруг вырвался из моих рук и прыгнул на стол. Он схватил ручку в лапу и начал царапать по бумаге. Каракули. Непонятные линии. Он пытался написать: «Я — человек».

Тётя Клава смотрела на каракули и плакала.

— Это почерк Васи! — умилилась она. И ее крупные слезы катились по морщинистым щекам. — Я узнаю его! Он всегда писал каракулями! Это он! Это точно он!

Я закрыл глаза. Это был полный абсурд. И сумасшедший дом.

— Тётя Клава, — очень вежливо и осторожно спросил я, — вы принимаете таблетки? Может, вам вызвать врача?

— Я не принимаю таблетки! — обиженно ответила она. — Я здорова! Я вижу правду! И я напишу на вас заявление! В газету! В интернет! Президенту, на горячую линию! Вы издеваетесь над моим Васей! Сектанты!

Она встала, взяла свою сумку и направилась к двери.

— Вы — сатанисты! — крикнула она уже из коридора. — Я буду следить за вами! Если это — Вася, я заберу его! Если это — секта, я вызову полицию! И пожарных! А Васе — «Скорую помощь»! А на тебя, Жорик, я напишу в чат подъезда. И в ТСЖ. Пусть все знают!

Дверь хлопнула. Я остался стоять посреди кухни. Жорик сидел на столе, сжимая ручку в лапе. Он смотрел на меня с ужасом. Такой же был в моих глазах, когда я впервые увидел себя в зеркале.

Через пять минут зазвонил телефон. Я взял трубку. Голос Маруси звучал встревоженно.

— Евгений, — устало спросила она, — мне только что позвонила тётя Клава. Она сказала, что наш кролик — это переродившийся Вася. И что мы — сектанты. Что происходит?

— Она сошла с ума, — честно ответил я. — Она просто увидела, что кролик кивнул. Решила, что это её муж.

— Кивнул? — переспросила Маруся. — Ты хочешь сказать, что наш кролик кивает, как человек?

— Нет, — заверил ее я. — Он просто... случайно наклонил голову.

— Евгений, — сказала Маруся медленно, — я не знаю, что происходит в нашем доме, но это начинает пугать. Ты уверен, что мы не сошли с ума? Все?

Я молчал. Что я мог сказать? Правду? Она бы не поверила. Или поверила — и тогда всё рухнуло бы окончательно.

— Всё нормально, — увещательно проговорил я. — Приходи домой.

— Я приду вечером, — сказала Маруся. — И мы поговорим. Серьёзно.

Помолчала и добавила:

— Знаешь, а ведь ты врешь. И я этому рада. Значит ты все-таки Жорик. А не сатанист. Просто Жорик. В этом ты весь.

Она положила трубку. Я стоял с телефоном в руке и смотрел на Жорика. Он сидел на столе, опустив голову. Он всё испортил. Но я не мог злиться на него. Потому что понимал его, как никто. Я был на его месте.

— Не огорчайся, — сказал я. — Но она теперь думает, что мы сектанты. И сатанисты.

Жорик виновато опустил голову.

— Но я понимаю, — уверил его я. — Ты хотел доказать, что ты — человек. Я был на твоём месте. Я тоже хотел доказать, что я — кролик. И никто не поверил.

Жорик поднял голову. В его глазах блеснула благодарность.

— Мы похожи, — грустно развел я руками. — Мы оба чужие в своих телах. Мы оба хотим домой. Может быть, мы даже не враги. Теперь мы — команда.

Я подошёл к нему и провёл рукой по его шерсти. Правильно. По направлению роста. Он закрыл глаза от удовольствия.

— Через четыре дня гроза, — гладил его и объяснял одновременно. — Мы вернёмся. Станем собой. Ты — человеком. Я — кроликом.

Жорик кивнул. Один раз. Твёрдо.

Я посмотрел в окно. Облака плыли по небу. Гроза приближалась. Я чувствовал это кожей — новой, человеческой кожей.

— Кролик и— это серьёзно, — объяснял я. — Скоро ты сможешь понять, что быть кроликом — не так уж плохо. Но я всё равно хочу обратно.

Жорик засмеялся. Кроличьим смехом — тихим, беззвучным. Впервые за все дни.

Я улыбнулся. Мне стало легче. Мы были одни — человек в теле кролика и кролик в теле человека. Но не были врагами. Мы были союзниками.

И это давало надежду.

Нам, обоим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.